

Алекс КЕРШОУ

«ГАРДИАН УИКЕНД», ЛОНДОН.

В конце концов никто не в состоянии противиться обаянию «Гринландии» — «Страны Грина», — каждому хочется в ней задержаться. И то, что происходило у могилы писателя, казалось, сошло со страниц одной из его книг. Вдова — вся в слезах, под вуалью — кладет один-единственный цветок на его гроб. А в стороне хрупкая фигурка — последняя любовь Грэма Грина — Ивонна Клоэтта. Жена французского бизнесмена, она была на протяжении 30 лет духовной спутницей Грина, и именно к ней обращены его предсмертные слова. Недавно Ивонна Клоэтта опубликовала дневник его сношений. Автор статьи прослеживает влияние женщины на писателя и на его произведения.

ГРЭМ ГРИН всегда тщательно оберегал свою личную жизнь и в равной мере уважал стремление других людей поступать так же. Он отказывался писать автобиографию, так как, по его словам, тогда пришлось бы затрагивать чужие жизни. Он охлаждал любопытство исследователей его творчества и журналистств, говоря: все, что он сам или кто-то другой мог бы сказать или написать о его жизни, сообщит о нем меньше, чем его книги.

Однако с тех пор, как он умер в апреле 1991 года в возрасте 86 лет, стал возникать образ Грэма Грина — человека, который едва ли раскрывает его беллетристика. Он контрастирует с тем образом общественного деятеля, который, как написал Уильям Голдинг, был «хроникером бед человеческого XX века».

Перед нами предстает романтический портрет: страдающая жена, пять прелестных любовниц и увлекающийся писатель, обожавший женщин не меньше, чем она его, но шедший на все, чтобы оберечь тех, кого любил.

Появление «Моего собственного мира», дневника сношений Грина, подготовленного к печати его последней любовницей, 66-летней Ивонной Клоэтта, женой французского бизнесмена, возродило интерес к роли нескольких женщин (официальный биограф Грина профессор Норман Шерри называет их «большая пятерка») в жизни писателя. Известно, что Грэм Грин играл в русскую рулетку; что он не получил Нобелевской премии и по неясным причинам в двадцатых годах перешел в римско-католическую веру. При жизни у Грина без конца брали интервью, писали о нем очерки, создавали документальные фильмы, однако он всегда умудрялся скрываться за маской общественного деятеля.

Грин соблюдал условности лишь в браке с Вивией Дэйрелл-Браунинг. Познакомились они в Оксфорде в 1925 году при обстоятельствах, которые с сегодняшней точки зрения покажутся иронией судьбы: Грин набросал статейку для университетского журнала «Оксфорд аутлук», в ней говорилось о взаимосвязи секса, веры и кино. Он выдвигал в статье весьма спорный тезис, что большинство людей «слишком озабочены сексом». Дэйрелл-Браунинг, выросшая в строгих принципах католической веры, написала в журнал гневную отповедь, и через некоторое время Грин встретился с ней за чашкой чая. А спустя два года они обвенчались.

Хотя у них было двое детей, брак этот, по словам Энтони Моклара, написавшего в 1989 году биографию Грина, которая так и не увидела свет, никогда не был сексуально полноценным.

Норман Шерри, имевший свободный доступ к Грину и его семье, считает, что этот брак умер в тридцатые годы «под бременем детей и скуки домашней жизни». После того как супруги развелись, Грин помог основать в Иффли, на окраине Оксфорда, музей кукол, который до сих пор возглавляет Вивия. Хотя Грины прожили врозь 40 лет, они так и не развелись.

Некоторые критики полагают, что роман «Человек внутри», вышедший спустя два года после того, как они поженились, можно считать беспощадным самоанализом и исповедью, предназначенной для Вивии. Там есть такой примечательный пассаж: «Он (Эндрю, герой романа) не страшился смерти, а испытывал ужас перед жизнью от того, что марает себя и кается, и снова марает себя... «Ведь я же был женат на ней всего месяц, — думал он, — и тем не менее тайком убегал из дома к проституткам».

Сам Грин, возможно, и не считал свою вину такой уж неизгладимой, хотя на протяжении всей жизни ду-

мал о самоубийстве и играл в русскую рулетку, однако это вызывало у него тяжелые приступы маниакальной депрессии.

Дороти Гловер и Джоселин Риккардс

ПЕРВОЙ любовницей Грина была Дороти Гловер. Как и Джоселин Риккардс, она была художницей-декоратором. Грин познакомился с ней, когда писал «Тайного агента» (1938) и «Власть и славу» (1940). Гловер иллюстрировала четыре из его книжек для детей: «Маленький поезд», «Маленькая конка», «Маленький паровой каток» и «Маленькая пожарная машина». Первую Гловер подписала не своим именем, а псевдонимом — Дороти Крэйги. После ее смерти в 1971 году Грин разрешил переиздание этих книг, но без иллюстраций Крэйги.

Из пяти женщин, игравших наиболее важную роль в жизни Грина, самой таинственной остается Дороти Гловер. «О ней сохранилось меньше всего свидетельств», — говорит Майкл Шелден. Хотя Грин посвятил ей «Тайного агента», лишь немногие критики считают, что он изобразил в этом произведении именно ее. Правда, по мнению Шелдена, некоторые

Грин и Джоселин Риккардс (в центре).

Женщины в жизни Грэма Грина

Жена Грина, Вивия, в возрасте 17 лет.

черты Гловер присутствуют в «Сути вещей».

В романах Грина всегда наличествует сексуальный элемент, но лишь в некоторых местах в «Комедиантах» (1966) есть сцены, граничащие с эротикой. «Характер человека раскрывается не в позах, которые он принимает в постели», — говорил Грин в 1979 году. — «А сюжет движут не описания постельных подробностей».

Романы, написанные Грином в тридцатые годы, — например, «Стамбульский экспресс» (1932) — считались в свое время порнографическими. Но почти нигде больше мы не обнаружим такого Грэма Грина — «страстного, невероятно чувственного и обаятельного мужчину с чудесной шелковистой кожей», которого, по словам Джоселин Риккардс, она до сих пор видит во сне.

Шестидесятивосьмилетняя Риккардс сидит напротив меня за кофейным столиком в ярко-красном вельветовом жакете и тапках же тренировочных туфлях. Волосы ее гладко зачесаны назад, а бархатистые глаза широко раскрыты и так же притягивают к себе, как и на фотографии пятидесятих годов, где она стоит под руку с самым разгневанным молодым мужчиной Англии — Джоном Осборном.

«У женщины в жизни Грэма есть две три общие черты: все они были либеральных взглядов, неглупые и без снобистских привычек», — говорит Риккардс, уроженка Австралии, на протяжении долгой и блестящей

карьеры работавшая художником-декоратором и художником по костюмам в кино. До того как выйти замуж за кинорежиссера Клайва Доннера, она была любовницей философа сэра Алфреда (Фредди) Айера, а также Джона Осборна.

Осборн в чрезвычайно едкой автобиографии «Почти джентльмен» находит для Риккардс в виде исключения только теплые слова: «Она не сфинкс и не истеричка, а женщина увлекающаяся, умная и тонко чувствующая... Она всегда испытывала и до сих пор сохраняет неукротимую тягу к мужчинам». Тридцать лет спустя Грин скажет, что она обладает «поразительной способностью быть другим — качеством редким в реальном мире искусства и литературы».

В автобиографии «Расцветенный банкет», вышедшей в 1987 году, Риккардс лишь намекает на свою двухлетнюю связь с Грином. Познакомившись с ним в 1951 году, она пишет: «Нас обоих потянуло плонуть на все, но ни один из нас не желал причинять боль другим людям, существовавшим в нашей жизни». По мнению Риккардс, Грин увидел в ней «этакую веселую дикарку, и ему не хотелось, чтобы она менялась».

Риккардс показала мне стихотворение, которое написал ей Грин в те несколько дней, что они тайком провели вместе, «по всей вероятности, в лучшем отеле Саутэнда» в пятидесятых годах. «Моя девочка в гетрах» нацарапано его нервным неразборчивым почерком на изящном листе голубой бумаги.

Затем Риккардс показала мне письмо, написанное Фредди Айеру 14 февраля 1986 года, где Грин говорит про Риккардс: «Да простят мне феминистки, она принадлежит к тем редким существам, когда привлекательная женщина — это одновременно и джентльмен».

С лужайки перед ее домом в глубине тихого тупичка в Сент-Джонс-Вуд сметают осенние листья. На стенах картины — обнаженные натуры работы известного немецкого художника Пауля Вундерлиха. В уголке прелестный фарфоровый прибор на одного. Риккардс показывает мне еще один подарок Грина — костяную палочку для чистки трубок, на которой стоит дата — 1796.

Риккардс ясно помнит их первую встречу в 1951 году во время фестиваля Британии, через два года после того как она приехала в Лондон.

«Грэм стоял один у входа на выставку. В руках у него был пустой стакан. Я сказала, что если он обещает не двигаться с места, то я напью его. Меня привлекли его высокая фигура, голубые глаза, манера держаться. Сексуально он был необычайно притягательным мужчиной. В тот вечер я приехала на фестиваль с Фредди Айером, а уехала влюбленная в Грэма Грина».

Риккардс было 26 лет, Грину — 46.

«Вполне возможно, что Грэм страдал маниакальной депрессией, но я никогда не видела его в таком состоянии, — рассказывает она. — Тот Грэм Грин, которого я знала, не был похож ни на кого другого, очень забавный, потрясающе умел смешивать напитки и ужасно остроумный. Ничего общего с тем сумрачным человеком, которого изображают на обложках его книг».

«В 1953 году я полюбила Грэма и он — меня, — продолжает Риккардс. — Странная происходила вещь, когда мы бывали вместе. Я обнаруживала, что вижу Лондон его глазами. И город из-за этого переменялся — он стал более унылым, не таким великолепным, каким я прежде видела его. Наверное, потому, что сделался для меня частью того неприглядного мира, который люди называют «Гринландией».

Кэтрин Уолстон

НЕКОТОРЫЕ критики, в частности Ричард Хоггарт, утверждают, что Грин в своих романах никогда не описывал реальность, хотя манера его письма очень реалистическая. Вместо этого он создал мифическую «Страну Грина», некую реальность, соответствующую его собственным представлениям о жизни. Грин резко возражал, особенно когда речь шла о его многочисленных путевых заметках и журналистике.

«Некоторые критики говорят о некоем странном, жестоком, неприглядном мире, который я будто бы выдумал, — писал Грин в семидесятых годах, — и который они назвали «Страной Грина», так что порой я думаю: а не разгуливают ли они по свету с шорами на глазах? Да это же Индокитай, хочется мне воскликнуть, это Мексика, а это Сьерра-Леоне, описанные мной тщательно и точно».

«Грин часто старался познать жизнь вне собственного класса, и это приводило его к рабочим и преступным элементам», — говорит Норман Шерри, который не один год ездил по следам Грина из страны в страну.

Лондон, вспоминает Джоселин Риккардс, Грин изучал главным образом по его району с самой сомнительной репутацией. В Лондоне, замечает она, он жил на границе между уважаемым и преступным миром: от его квартиры в «Олбани» (фешенебельный, многоквартирный дом на Пикадилли) можно было пешком дойти как до «Фортуна-энд-Мейсон» (дорогой универсальный магазин на той же улице), так и до красных фонарей Сохо.

«Страна Грина» включает Южную Америку, жестокий преступный мир Брайтона, куда заглядывал Пинки из «Брайтонского леденца» (1938), а также чопорный Беркхэмпстед, до сих пор живущий по законам короля Эдуарда за окнами с кружевными занавесками, мир, где вырос Грин. В «Стране Грина» долг и вера тянут человека в одну сторону, а соблазны — в другую, и живут там часто герои-страдалцы, страдаемые чувством вины и сожалениями.